

Модель русской идеи у А.С. Хомякова

© Л. А. РЫЖКОВ

В статье посредством изучения поэтических текстов А.С. Хомякова рассмотрены оппозиционные взаимосвязи внутри идейных конструктов, которые играют ключевую роль в обрисовке внутреннего и внешнего состояния образа России, закладывающего системообразующее поле для поэтизируемой и пропагандируемой автором русской идеи. Идейные антиномии, оппозиции, контрасты представлены важнейшими элементами поэтических построений славянофильских стихотворений А.С. Хомякова.

Ключевые слова: образ, русская идея, оппозиция, поэзия, Россия.

Образно-поэтическая модель русской идеи, возникающая в стихотворчестве А.С. Хомякова, как правило, находится в гармоничном соответствии с религиозно-философскими убеждениями автора. Поэтическая модель русской идеи – это поэтизированный идеал будущего России в призме авторских чаяний и убеждений, чередующийся с горькой правдой настоящего. Вооружившись художественными средствами, философ-поэт интерпретирует и иллюстрирует русскую идею, дополняя ее одной поэзии присущими тонами, чувствами, формами. И.Н. Сиземская пишет по этому поводу: «... близость философии и поэзии может принимать форму взаимодополняемости, если философ и поэт «соединяются» в одном лице...» [1].

На сегодняшний день нет общепринятой дефиниции русской идеи, поэтому позволительно будет подразумевать под ней авторскую концепцию данного явления, актуализированного в многогранном, а в нашем случае в поэтическом, творчестве философа и поэта. В самых общих и определяющих чертах концепция русской идеи Хомякова представля-

ется, как видимая в будущем историческая обязанность России в деле религиозно-нравственного и социально-политического просвещения человечества. Известный исследователь русской философской поэзии Е.А. Маймин указывает, что «в своих славянофильских стихах Хомяков развертывает довольно стройную концепцию России и русской исторической жизни» [2]. Становясь идеологической и доктринерской доминантой многих стихотворений славянофильского периода творчества поэта (40-е–50-е годы XIX века), она материализуется в историософско-поэтическую модель, где образ России утверждается в качестве основополагающей и постоянной величины, где «соединяется объективное и субъективное, сущее и желаемое, реальное и идеальное. Образ – не только то, что предстало перед поэтом, но и то, что поэт увидел, не только то, что есть, но и то, к чему стремится поэт, что ему «видится», о чем он мечтает» [3].

В поэтических текстах Хомякова с середины 30-х годов XIX века, с того времени, когда начинает формироваться его концепция русской идеи, образ России приобретает видимые или сокрытые черты двойственности, оппозиционности, а зачастую и противоречивости составляющих его сущностей, смыслов и состояний. «Двоющийся смысл» [4], как один из невольных принципов построения образа, стимулирует многообразие идеобразующих оппозиционных корреляций и антитез: настоящее – будущее, действительное – желаемое, Россия (Восток) – Европа (Запад), дремота – пробуждение, потенциал – воплощение, гордыня – смирение, право – ответственность, внешнее – внутреннее и другие. Данная панорама противопоставлений представлена проводниковыми по отношению к авторской рефлексии коррелятами, из которых складывается идейная канва творчества Хомякова как поэта-славянофила. При этом все явные и имплицитные идейно-композиционные оппозиции-конструкты находятся в тесной когерентности с отношением Россия – русская идея. В свою очередь, палитра авторских переживаний и размышлений, переходящая непосредственно в стихах в мозаику образно-художественного воплощения, выражена весьма многотональными и разноплановыми идейными антитезами (черна / светла, недостойная избранья / ты избрана, болезнь порока / ангел Бога, в пьянстве гордости слепой / в силе трезвенной смиренья, молитвою смиренной / совести растленной, в душе любовь / в деснице гром), которые на уровне сопоставления оппозиционности ключевых состояний образа России характеризуют его двоение внутри поэтической модели русской идеи.

В разнополярных и двойственных состояниях образа России в славянофильской поэзии Хомякова, тем не менее, чувствуется градус положительного исторического исхода. Дремлющая и где-то еще дремучая («игом рабства клеймена») [5. С. 136], но, без сомнения, великая Россия, непременно должна пробудиться и исполнить волю провидения

(русскую идею): «Услышь же глас судьбы, воспрянь в сияньи новом, / Проснися, дремлющий Восток!» [Там же. С. 103]. Более полувека спустя образ «спящей», но прекрасной и сильной России обрисует в поэме «Возмездие» А. Блок: «Под умный говор сказки чудной / Уснуть красавице не трудно, – / И затуманилась она, / Заспав надежды, думы, страсти... / Но и под игом темных чар / ... Она казалась полной сил...» [6].

Внутриидейная оппозиция дремота – пробуждение в контексте поэтизированных историософских постулатов Хомякова является метафорическим двойником оппозиции настоящее – будущее. В сюжетах таких стихотворений, как «Ключ», «России» (1839), «России» (1854), «Раскавшейся России» наличествует композиционный переход от образа России настоящей к образу России будущей. Главное для Хомякова – провозгласить необходимость всестороннего очищения через покаяние и молитву, смирение и гордынеотвержение, братолюбие и духостязательство. Очищение через эти основы русской идеи приближают Россию к раскрытию потенциала истинности православного мироустройства. Императив русской идеи устремлен к образу России перерождающейся, способной осуществить Великий промысел (*Идет на Божеский призыв...*) [5. С. 137] в грядущих поколениях: «*И встань потом, верна призванью...*» [Там же]. Императивный пафос усиливает у его адресата ощущение того, что без установления глобального верховенства этих состояний внутри России невозможно осуществление русской идеи. В стихотворении «России» (1854) читаем: «О, недостойная избранья, / Ты избрана! Скорей омой Себя водою покаянья... / С душой коленопреклоненной, / С главой, лежащею в пыли, / Молись молитвою смиренной / И раны совести растленной Елеем плача исцели!» (137), а в стихотворении «26 августа 1856 года» вектор русской идеи поэт наполняет пожеланием царю, как духовному лидеру, неустанно нести в жизнь великий Божественный дар – «... дар братолюбья к братьям-людям...» (141). Таким образом, в стихотворных текстах идеолога старших славянофилов регулярно возникают два образно-поэтических построения: Россия настоящего, пусть могущественная: «Пусть пред твоим державным блеском / Народы робко клонят взор» (111), но далеко не безупречная: «А на тебя, увы! как много / Грехов ужасных налегло!» (136) и Россия будущего, которая «... в силу... обновленной чистоты...» обретает «в душе любовь» (138) истинного порядка.

В противопоставлении-противостоянии действительного и желаемого, реального и потенциального у Хомякова заложена одна из опорных граней историософской концепции России, базирующаяся на постулатах о ее богоизбраннической и мессианской ипостасях. В стихотворении «России» (1854), которое изобилует оппозиционными сцеплениями и антитетичными переходами, он делает идейно-композиционные акценты, восходя к евангельскому: «... кому дано будет много, много взыщется от

него: и кому предадам ножайше, множайше просят от него» (Евангелие от Луки. Гл. XII, стих 48) [7]. Поэт дважды в тексте подводит нас к оппозиционной формуле право – ответственность. В первом случае поэтизация великого жребия России: «Тебя призвал на брань святую, / Тебя Господь наш полюбил, / Тебе дал силу роковую...» контрастирует с призывом помнить о не менее великой ответственности: «Но помни: быть орудьем Бога / Земным созданиям тяжело. / Своих рабов он судит строго...» (136). И далее утверждение богоизбранности: «Ты избрана!» сменяется оппозиционным пожеланием, оформленным в соответствии с молитвенной традицией: «Да гром двойного наказания / Не грянет над твоей главой!» (137). На молитвенный строй поэтической строки указывает не только пафосно-риторическая частица «да», отсылающая нас к поэтическому синтаксису русского молитвослова («Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от Лица Его ненавидящие Его» [8]), но и сакрально-инфернальный тембр, звучащий в смыслах авторского императива. Если же вернуться непосредственно к оппозиции право (богоизбранность)-ответственность (гнев Божий), то она жизнеспособна не только в поэтической линии Хомякова, но и в его философской публицистике, что в очередной раз подтверждает взаимодополняемость и параллелизацию жанров. Так, в статье «По поводу Гумбольдта» он пишет: «История призывает Россию стать впереди всемирного просвещения, она дает ей на это право за всесторонность и полноту ее начал, а право, данное историей народу, есть обязанность...» [9].

Наличествующая в стихах внутриккомпозиционная и оценочная поляризация состояний образа ориентируют адресата на осознание того, что России для воплощения русской идеи в человечестве в первую очередь необходимо осуществить ее в себе. Преображение самой России должно, по мысли поэта, питаться теми же благодатными истинами, благодаря которым в ней родилась и окрепла русская идея. В стихотворении «России» (1839) Хомяков эмоционально-поэтическим слогом перечисляет те благодатные, исцеляющие начала, из коих возшла русская идея, воздвигая образ России – образ хранительницы Божьего слова и дела: «И вот за то, что ты смиренна, / Глагол творца прияла ты... / Твое всё то, чем Дух святится, / В чем сердцу слышен глас небес...» (111). Обладая этими началами, Россия имеет историческое право продвигать их в мире. В одной из статей Хомяков пишет, что «... спасшая эти начала для самой себя, она (Россия) теперь должна явиться их представительницей для целого мира» [9. С. 203]. Истины русской идеи, питаемые духовным могуществом православия, призваны соединить Россию сущую и, увы, не безупречную с Россией грядущей, удерживающей «стяг Божий крепкой дланью» (137). Возникающая парадигма этнообразующих ментальных ценностей – богоизбранность (мессианство), духостязание, молитволюбие и смиренномудрие: «И другой стране смиренной, / Пол-

ной веры и чудес, / Бог отдаст судьбу вселенной, / Гром земли и глас небес» (107) – определяет культурно-православный стержень поэтической модели русской идеи, стирая края противоречий и создавая внутреннее единство преображающегося образа России.

Заметную роль в обрисовке контрастных и оппозиционных состояний образа России, вписанного в поэтическую систему Хомякова, играет гипербола. Так, в стихотворении «России» (1839) гиперболизация играет доминирующую роль в создании идейных оппозиций (достоинство – гордыня, внешнее могущество – внутреннее смиренномудрие, гордыня – смирение), заложенных поэтом в идею образа. Эмоциональность поэтических строк (стихотворение изобилует восклицательными знаками) не ограничивается только панегирическими интонациями, сопровождающими описание необъятности нашего отечества «Пределов нет твоим владениям» (110). Безоговорочному внешнему величию противопоставлен антигордынный императив *не гордись*. В первой части произведения Хомяков гиперболизирует образ России, прибегая к одической риторике: «Земля несокрушимой стали, / И горы в небо уперлись, / И как моря твои озеры». Но интонации восхищения несколько раз обрываются призывом – предостережением *не гордись*. Намеренная гиперболизация внешнего образа в одной части оппозиционного конструкта сигнализирует возможное разрастание национальной гордыни (не гордости), вызванной военно-политическим могуществом. Поэт намеренно устанавливает конфронтационность контраста в оппозиции достоинство (гипербола – гордыня (евангельское «не...»)), чтобы указать на зыбкость границ между одним и другим. Вместе с этим величие внешнего образа имеет явно второстепенный смысл. В то же время грани, составляющие красоту и могущество внутреннего образа – «ты смиренна, ... в чувстве детской простоты, / В молчаньи сердца сокровенна» (111) – объясняют богоизбранность России, ее русскую идею, ее историческое право на решение «всемирной задачи». Очень значима в данном случае роль гиперболы, которая, выполняя не совсем традиционную функцию, обеспечивает идейную ясность оппозиционных отношений в границах центрального образа.

Стихотворческое ваение образа, опирающееся на построение оппозиционных отношений, в итоге создает внутри поздней поэтической системы А.С. Хомякова модели двух путей исторического продвижения России: возможного и единственно верного. Возникает идейно-обобщающая оппозиция: Россия с русской идеей и Россия без нее, в глубине которой улавливаются ноты тревоги поэта о роковом перепутье, вписывающиеся в глобально-историческую антитезу жизнь – смерть. Россия с русской идеей отождествляется с духовной жизнью, а вне ее – с духовной смертью. Но несмотря на весомую конфликтность вошедших в образ России оппозиционных состояний и явлений, идею исторического

будущего своей отчизны, ее судьбоносной миссии А.С. Хомяков выделяет оптимистическими тонами: «Иди! светла твоя дорога...» (138), а в «Парусе» продолжает: «Мчись, корабль твой путь завиден... / Господи, благослови!» (145).

Двадцать лет спустя Ф.М. Достоевский в своем «Дневнике писателя» выскажет в похожих тонах мысль о будущем России и русской идеи: «... жить высшей жизнью... светить миру великой, бескорыстной и чистой идеей... любовью... светом...» [10].

Литература

1. Сиземская И.Н. Русская философия и поэзия: согласие ума и сердца // Вопросы философии. 2006. № 3. С. 156.
2. Маймин Е.А. Русская философская поэзия. М., 1976. С. 64.
3. Паперный З.С. Поэтический образ у Маяковского. М., 1961. С. 10.
4. Бердяев Н.А. Русская идея. М., 2010. С. 357.
5. Хомяков А.С. Стихотворения и драмы. Л., 1969. (В круглых скобках номера стр.)
6. Блок, А.Н. Полное собрание сочинений и писем в 20 т. М., 1999. Т. 5. С. 45.
7. Новый завет. М., 2000. С. 155.
8. Православный молитвослов. 2012. С. 45.
9. Хомяков А.С. О старом и новом: Статьи и очерки. М., 1998. С. 221.
10. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. В 2 т. М., 2011. Т. 2. С. 365.

*Мичуринский государственный
аграрный университет*